

An abstract painting featuring two hands, one on the left and one on the right, rendered in white and light brown tones. The hands are positioned as if they are about to clasp or are in the process of clapping. The background is a mix of teal, red, and black, with a dark brown horizontal band at the bottom where the text is located.

М. С. Андрианов

**НЕВЕРБАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ:**

**ПСИХОЛОГИЯ
и право**

М. С. Андрианов

Невербальная коммуникация

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14110433

Невербальная коммуникация: психология и право: Институт

Общегуманитарных Исследований; Москва; 2007

ISBN 978-5-88230-213-8

Аннотация

В монографии систематизируются научные знания о процессе невербальной коммуникации в контексте актуальной практической задачи – решения проблемы экспертного анализа и правовой оценки экспрессивных средств социального взаимодействия, иллюстраций газетных публикаций и публично демонстрируемых изображений, ставших предметом правовых споров и судебных разбирательств. Изложение основ психологии неречевого общения и методологических критериев интерпретации коммуникативного содержания невербальных компонентов печатных текстов сопровождается примерами из современной правоприменительной практики. Предлагается новый, перспективный метод дискурсивного анализа таких компонентов, ставший результатом обобщения, переосмысления и развития научных представлений об этой важной стороне общественных отношений. Издание адресовано психологам, юристам, специалистам, выступающим в роли экспертов и

консультантов, журналистам, а также всем интересующимся исследованиями в области коммуникации.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Содержание, средства и подходы к анализу процесса невербальной коммуникации	14
1.1 Знак	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

М. С. Андрианов

Невербальная коммуникация: психология и право

Введение

Экспрессивные проявления и выразительные движения людей всегда привлекали внимание исследователей разных областей научного знания, в первую очередь, психологов, поскольку такие «знаки» являются не только ключевым индикатором эмоциональных состояний и внутренних переживаний индивида, но и, будучи специально организованы, несут важнейшую смысловую нагрузку в социальном взаимодействии, выступая в виде неречевых форм общения. Причем их спектр весьма широк, а возможности безграничны.

В период активного изучения и открытий в сфере невербальной коммуникации, которая во второй половине XX в. даже оформилась в самостоятельную научную область, были достигнуты значительные успехи в декодировании, классификации и описании неречевых коммуникативных действий. Но удовлетворительный «словарь» и целостную кон-

цепцию невербальной коммуникации построить не удалось. И научный интерес к этой проблематике стал неизбежно угасать, вероятно, еще и потому, что объяснительный и методологический инструментарий доступный для исследователей того времени был исчерпан. Требовались новые, в первую очередь, теоретические знания и концептуальные подходы, которые тогда еще только формировались.

Однако исследования системы неречевых форм и средств передачи информации весьма актуальны в современных условиях, поскольку роль невербальных компонентов в масс-медийном дискурсе резко возрастает. При этом все отчетливее оформляется запрос практики к развитию и применению научных представлений о невербальной коммуникации в совершенно новых прикладных сферах, в частности, для решения специфических психолого-правовых задач.

Так, наряду с ростом в России судебных исков к средствам массовой информации по поводу грубых нарушений и злоупотреблений свободой слова, все чаще возникают конфликтные ситуации, когда спорными становятся невербальные коммуникативные компоненты, например, различные иллюстрации массовых печатных изданий. Широкую известность получили уже более 40 фактов, когда те или иные иллюстрации в газетах или другие публично демонстрируемые изображения трактовались некоторыми представителями общественности как оскорбительные или разжигающие национальную и религиозную вражду. Часто деклари-

руемые протесты носили субъективный характер, не отражающий сущность публикуемого изображения, и возникающие конфликты разрешались внесудебными методами, но в некоторых случаях состоялись и судебные разбирательства (в том числе, по делу организации художественных выставок «Осторожно, религия!», «Россия-2»; а также по поводу публикаций карикатур в местных печатных изданиях Самары, Удмуртии, Приморья, Волгограда и др.). Все подобные дела имели общественный резонанс, хотя отдельные судебные постановления были довольно неожиданными. Ситуацию обострил также и получивший известность скандал вокруг публикации карикатур в датской прессе, что вызвало бурную волну протестов со стороны мирового мусульманского сообщества. Эта история имела свое своеобразное продолжение и в России. Редактор одной вологодской газеты, перепечатавшей датские рисунки в виде коллажа, иллюстрирующего статью о скандале, по решению суда была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Известно, что иллюстрации в СМИ, не только выполняют функцию привлечения внимания к изданию, наглядности и образности формы подачи вербальной информации и ее «разгрузки», но и сами по себе рассчитаны на смысловое восприятие, т. е. содержат определенное коммуникативное «сообщение». Более того, принято считать, что невербальные средства обладают широким спектром коммуникатив-

ного воздействия и являются одним из его самых тонких методов, поскольку иллюстрации (рисунки, карикатуры, шаржи, фотографии, коллажи, знаковые и символические изображения и т. п.) выступают в качестве универсального языка, общедоступного для понимания и легкого для усвоения и содержат обширные возможности интерпретации по сравнению с вербальными средствами. При этом публикаторы иллюстраций небезосновательно полагают, что имеют полное право на выражение мнений таким способом и что подобного рода «сообщения» в силу своей многозначности и, следовательно, слабой доказуемости нарушений российского законодательства в принципе не могут быть предметом обоснованных правовых претензий.

Безусловно, ст. 29 Конституции РФ гарантирует каждому в нашей стране свободу мысли и слова. И хотя здесь прямо не сказано о других, несловесных способах самовыражений, но, очевидно, что правовой защите подлежит любое мнение независимо от его содержания и формы выражения. При этом согласно ч. 4 этой статьи каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Это означает, что информация может передаваться с использованием и невербальных коммуникативных средств. Кроме того, Российская Федерация в 1998 г. взяла на себя обязательства соблюдать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. В ст. 10 Конвенции указывается, что каж-

дый человек имеет право на свободу выражения своего мнения, а также получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов.

Однако согласно ч. 2 ст. 10 Конвенции осуществление этих свобод не абсолютно и налагает определенные обязанности и ответственность, сопряженные с условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц.

Таким образом, в нашей стране каждый может выражать свое мнение любым доступным ему способом, в том числе и невербальными коммуникативными средствами, если это не вступает в противоречие с интересами общества, а также правами и свободами других людей. Например, конституционно закрепленные ограничения касаются пропаганды и агитации, в том числе с использованием изображений, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть либо вражду, также запрещается пропаганда любых форм превосходства. Кроме того, есть ряд статей Уголовного Кодекса РФ, в которых прямо определяется, но чаще косвенно подразумевается (следует из текстов опубликованных комментариев) уголовная ответственность за ненадлежащее, преступное использование разного

рода рисунков, иллюстраций или публично демонстрируемых произведений. Например, преступления против: чести и достоинства личности – ст. 129 УК РФ (клевета) и ст. 130 (оскорбление); половой неприкосновенности – ст. 135 (развратные действия); общественного порядка – ст. 214 (вандализм); государственной власти – ст. 280 (призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и ст. 282 (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды); порядка управления – ст. 319 (оскорбление представителя власти) и ст. 329 (надругательство над Государственным гербом РФ или Государственным флагом РФ).

Как показывает российская судебная практика случаи привлечения к уголовной ответственности и вынесения обвинительных приговоров за публикацию разного рода иллюстраций и изображений имеются. Можно даже прогнозировать, что число подобных судебных исков в дальнейшем будет только нарастать. При этом правовые оценки спорных изображений, их экспертный анализ, на который суд иногда (но не всегда) опирается, в разных случаях выглядят совершенно противоречивыми, в частности, по отношению к аргументации принятого решения. Более того, сама правомерность использования уголовных санкций в отношении их публикаторов во многих случаях не кажется достаточно убедительной.

До сих пор открытыми остаются вопросы: Способны ли мнения людей, публично выраженные тем или иным невер-

бальным коммуникативным средством, нарушать чьи либо права и интересы? Могут ли они считаться в таком случае не только нарушением норм общественной морали, но и общественно опасным, преступным деянием? Какие средства правовой регламентации (гражданско-правовые, административные и пр.) применимы в определении границ допустимого в освещении событий и их иллюстрирования с помощью невербальных коммуникативных компонентов? Для ответа на эти вопросы необходим тщательный анализ всех ситуаций, когда различные иллюстрации и изображения оспариваются в суде и квалифицируются им в соответствии с нормами уголовного права.

Очевидно, что во всех случаях, когда невербальные компоненты коммуникации все же становятся предметом судебных разбирательств, необходимо привлекать экспертов, что, например, уже прочно вошло в практику разбора дел о злоупотреблениях свободой слова. Однако и в этом плане существуют определенные трудности и проблемы. Анализировать и оценивать смысл изображений подчас сложнейшая задача не только для правоприменителей, но и для специалистов-экспертов, тем более что специальная литература по этой тематике отсутствует. И если критерии и методика экспертной оценки направленности различных высказываний и текстов СМИ достаточно разработаны и имеют обширную практику, то проблема экспертизы невербальных коммуникативных компонентов и их правовой оценки все

еще представляет собой «белое пятно». Для их полного и объективного анализа необходимы знания самых разных научных дисциплин – психологии, лингвистики, психолингвистики, семиотики, а также культурологи, религиоведения и искусствоведения. Требуется и специальная, обобщающая эти знания проработка самой предметной области и критериев такого экспертного анализа, которую возможно осуществить, например, в русле бурно развивающейся дискурсивной психологии. Именно этой задаче и посвящена настоящая работа.

В монографии систематизируются научные знания о процессе невербальной коммуникации, раскрываются основные понятия как самой его сущности, так и базовых элементов – выразительных средств, а также особенности их использования и восприятия на разных коммуникативных уровнях. Особенно подробно исследуется проблема определения смысловой направленности иллюстраций в современных массовых печатных изданиях, а также предлагается метод специального «дискурсивного анализа» таких невербальных коммуникативных «сообщений», главный акцент в котором ставится на специфических личностных и ситуативных детерминантах их создания и публикации. При этом изложение основ психологии неречевого общения сопровождается примерами из правоприменительной практики, когда экспрессивные средства социального взаимодействия, невербальные компоненты газетных текстов и пуб-

лично демонстрируемые изображения становились предметом тех или иных споров и конфликтов, значимых с юридической точки зрения.

Специальная глава работы посвящена анализу проблемы экспертизы и правовой оценки содержания произведений современного изобразительного искусства, в частности экспонатов художественных выставок, которая тесно смыкается со спецификой использования невербальных компонентов в СМИ. Как показано, «язык искусства» имеет много общего с неречевым общением, а иллюстрации в газетах по своему происхождению восходят к изобразительному искусству и также ориентированы на целостное смысловое восприятие. Кроме того, существует уже определенная российская практика судебных разбирательств по поводу различных произведений современного искусства, которая имеет явные аналогии с правовыми конфликтами, связанными с интерпретацией иллюстраций масс-медийных печатных текстов. Особенности современного искусства, его философские и культурологические основания позволяют лучше понять и, следовательно, точнее определять коммуникативное содержание и смысл иллюстративного газетного материала.

Глава 1. Содержание, средства и подходы к анализу процесса невербальной коммуникации

В самом простом, обыденном значении под невербальной коммуникацией понимают все то, что, наряду со словесной (вербальной) коммуникацией играет важную роль в общении людей. Сюда относят: внешность и одежду партнеров по взаимодействию; тембр, тон и интонацию их голоса; выразительные (экспрессивные) движения их рук, лица, тела и многое, многое другое. Однако такое широкое толкование невербальной коммуникации мало что дает как для изучения и объяснения этого особого культурно-исторического феномена, так и для прояснения самой его сути. Поскольку в таком случае невербальное – это все, что окружает слова (текст) сообщения, но само им не является, хотя и оказывает на вербальное сообщение определенное влияние. Другими словами, подобная трактовка ставит под сомнение понимание процесса невербальной коммуникации как таковой. Поэтому сначала определим, что же вообще является коммуникацией.

Поскольку всякое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых и косвенных отношений с другими людьми, оно включает, наряду с физическим, коммуни-

кативный аспект. Действия, ориентированные на смысловое восприятие их другими людьми, называют коммуникативными. Таким образом, **коммуникация** (от лат. *communico* – делать общим) – это смысловой аспект социального взаимодействия¹. Общаясь, люди обмениваются мнениями, идеями, интересами, точкой зрения, различными представлениями, настроениями, чувствами, установками и т. д., то есть тем, что принято называть информацией. И тогда сам процесс коммуникации можно рассматривать просто как обмен информацией. Но каждый человек знает: важно не только *что* ему сообщают, но и *как, каким образом*.

Соответственно, процесс коммуникации нельзя свести только к передаче информации. В нем осуществляются и другие не менее важные функции: регулятивные (например, статусные или управленческие), эмоционально-аффективные (обмен чувствами, эмоциями), фактические (установление контактов) и пр. И если в ответе на вопрос *что сообщается?* в процессе коммуникации, приоритет имеет вербальная информация, то ответы на многие другие вопросы часто дают именно *невербальные средства*. Поэтому одно из существенных оснований для классификации коммуникации – это разделение по средствам: речевые (письменная и устная речь) и невербальные, к которым относятся паралингвистика (жест, мимика, мелодия и др.), а также веществен-

¹ См: Психология. Словарь/Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 168–169.

но-знаковая коммуникация (продукты производства, изобразительного искусства и т. д.).

Таким образом, невербальная коммуникация – это обмен значимой информацией, не выраженной словами. И хотя многие собственные невербальные проявления, как правило, слабо осознаются участниками общения (остаются в сфере бессознательного) и плохо поддаются контролю сознания, но вот чужие – воспринимаются довольно легко и правильно интерпретируются. Поэтому невербальная информация может усилить значение, позволить точнее и полнее понять сказанное, но может и стать суть более ценной, чем конкретное вербальное сообщение.

Для иллюстрации приведем только один, но уже ставший хрестоматийным пример – дрожание рук «гэкачеписта» Г. Янаева во время его телевизионного выступления в период августовского (1991 г.) путча искусственным зрителям всего мира «сообщило» гораздо больше, чем все то, что он говорил. И хотя весь смысл этой значимой невербальной информации трудно исчерпывающе выразить словами, но главное – достаточно очевидно: этот человек чувствует огромное моральное и физическое напряжение (что, в принципе, вполне естественно) и не справляется с ним во многом потому, что сам не верит истинности и убедительности своих слов; более того, понимая их фальшивость и проявляя определенное малодушие, он не выдерживает взятого им (или навязанного ему) груза ответственности и как «провинившийся школь-

ник» переполнен страхом неизбежно последующего наказания. Для многих россиян невербальное поведение человека, претендующего на роль их лидера, стало *знаковым* и сыграло немаловажную роль в дискредитации и быстро последовавшем полном крахе этого «путча».

Именно то, что невербальные проявления могут выступать определенным **знаком** в ситуации взаимодействия людей, и делает их средством процесса коммуникации. И тогда не все то, что сопутствует вербальному сообщению, может быть невербальным средством коммуникации, а только то, что имеет значение, выступает знаком и выполняет функцию какого-либо сообщения. Другое дело, что в ситуации общения таким знаком, имеющим решающее значение, может быть все что угодно и даже не только конкретные человеческие проявления, а и некоторые атрибуты места и ситуации коммуникации. Например, для общения значимыми могут быть и само место встречи (в социальной психологии они носят название «хронотопов»), температурные и метеоусловия, время суток (особенно, если место встречи было предварительно обговорено) и т. д.

Итак, **невербальная коммуникация** – это совокупность неречевых коммуникативных средств – система жестов, знаков, символов, кодов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности и играющих важнейшую роль в смысловом понимании людей друг друга². Тело-

² См.: Социальная психология. *Словарь/Под ред. М. Ю. Кондратьева*. М., 2005.

движения, жесты, позы, выражения лица, голосовые изменения и другие экспрессивные проявления кодируются и декодируются, выступают в роли знаков, имеющих ограниченный круг значений, и выполняют функцию сообщения.

Одной из важнейших особенностей невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с участием разных сенсорных систем: зрения, слуха, кожно-тактильного чувства (осязание), хеморецепции (вкус, обоняние) и терморецепции (чувство тепла – холода). В соответствии с этим систему невербальных коммуникативных средств в литературе³ принято подразделять на отдельные подструктуры:

визуальная, или оптическая – сюда входит *физиогномика*, причем не только особенности лица и черепа, но и особенности телосложения, и способы преобразования внешности (одежда, косметика, очки, украшения, борода, усы, татуировки и т. п.); *кожные и физиологические реакции* (потоотделение, покраснение, расширение зрачка и др.); а также *кинесика* – движения (экспрессия) рук, ног, головы, туловища, мимика и пантомимика, выражение глаз, направление взгляда и визуальный контакт, походка, поза и т. п.;

акустическая, или звуковая – *просодика* (темп, тембр, высота звука, громкость, ритм, интонация, речевые паузы и их локализация в тексте) и *экстралингвистика* (смех, плач,

С. 56.

³ См., например: *Лабунская В. А.* Невербальное поведение. Ростов, 1986; *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1988; *Крысько В. Г.* Социальная психология: словарь-справочник. М., 2001.

кашель, вздохи, скрежет зубов и т. п.);

тактильно-кинестезическая и терморцепторная – такесика (статические и динамические прикосновения – рукопожатие, поцелуй, поглаживание, похлопывание и т. п.) и *физические воздействия* (подталкивание, удары, ведение за руку, контактный танец и др.), а также температурные ощущения и воздействия;

ольфакторная и хеморцепторная – система запахов (приятные и неприятные запахи окружающей среды, естественные и искусственные запахи тела), а также особые запахи, вызываемые специфическими для мужчин и женщин веществами – *феромонами*, которые влияют на подсознание человека;

проксемическая или дистантная – пространственная и временная организация общения (расстояние до собеседника, угол поворота к нему, персональное пространство и т. д.).

Таким образом, полисенсорная природа невербальной коммуникации обеспечивает возможность восприятия человеком практически всех биологически и социально значимых видов информации внешнего мира. При этом важно, что в процессе непосредственного общения происходит: а) взаимодействие всех видов невербальной информации, передаваемой по каналам разной сенсорной модальности, и б) ее взаимодействие с собственно речевой вербальной информацией. Этим обеспечивается высокая надежность восприя-

тия и взаимопонимания людей⁴. Роль невербальных знаков и сигналов в жизни человека огромна. И хотя мнения специалистов в оценке точных цифр расходятся, но можно с уверенностью сказать, что до 70–80% информации в процессе социального взаимодействия человек получает именно по невербальным коммуникативным каналам.

Это происходит во многом еще и потому, что экспрессивно-мимические, выразительные средства общения первыми возникли в филогенезе (историческом формировании человечества и эволюции форм сознания)⁵. Первыми возникают они и в онтогенезе – процессе развития индивидуально-организма (как известно, онтогенез повторяет филогенез). Эти средства общения (улыбка, смех, экспрессивные вокализации, мимические движения и т. п.) служат индикаторами отношения одного человека к другому. Они возникают в конце 1-го – начале 2-го месяца жизни ребенка, но сохраняют свое значение на протяжении всей жизни человека, поскольку выражают содержание общения (внимание, доброжелательность, интерес), не передаваемое с такой полнотой никакими другими средствами, и составляют обязательный компонент любого уровня развития общения.

Позднее возникают предметно-действенные средства об-

⁴ Морозов В. П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998. С. 20.

⁵ См.: Социальная психология. Словарь/Под ред. М. Ю. Кондратьева. М., 2005. С. 87.

щения. Это уже не выразительные, а изобразительные средства. К ним относятся локомации (приближения, позы, повороты и пр.), указательные жесты, протягивание, передача предметов, прикосновения и т. д. Изобразительные средства выражают готовность человека к общению и в своеобразной форме показывают, к какому именно взаимодействию он приглашает. Здесь же впервые и появляется стремление ребенка к изображению (сначала пантомимике, потом рисованию, лепке и др.) предметов и людей. И это пока еще не изобразительное творчество в чистом виде (хотя его зачатки здесь и закладываются), главным образом это именно средства общения, но уже на новом уровне осмысления, поскольку они отличаются более высокой степенью произвольности.

Качественное изменение в развитии человека происходит при овладении речью, общение приобретает относительную автономность от конкретной, чувственно воспринимаемой ситуации взаимодействия, т. е. оно становится внеситуативным. Однако при этом более ранние по своему происхождению первые два средства общения не остаются забытыми, отброшенными как менее эффективные и не играют всего лишь дополнительную к словам роль. С помощью речи они получают свое дальнейшее развитие, становятся более осознаваемыми, наполняются конкретным смыслом и участвуют в общении людей наравне с вербальными средствами. При этом они в свою очередь оказывают влияние и на речь, обогащая ее различными метафорами. «Наш

собственный язык до краев наполнен физиогномическими приметами и характеристиками [экспрессивно-мимическими, выразительно-изобразительными]. „Горькое“ страдание, „сладкое“ счастье и „кислый“ отказ являются не свободными изобретениями поэтов, а совершенно отчетливыми видимыми выражениями человеческого лица, известными с детских лет»⁶.

Некоторые исследователи (например, Е. А. Тинякова, автор теории «нелингвистического позитивизма») считают, что в современных условиях вообще происходит сокращение лингвистического пространства в коммуникации в целях регулирования перегруженного информационного потока. Сокращение применения языка компенсируется другими феноменами культуры. Этим, в частности, и объясняется активное включение, насыщение коммуникации невербальными средствами общения, и смыслового ущерба процесса коммуникации не происходит⁷.

Кроме того, нидерландский историк культуры И. Хейзинга в трактате «В тени завтрашнего дня», написанном еще в 1935 году, отмечал своеобразный «духовного недуг» нового времени. По его мнению, люди стали слишком доверять словам, что привело к их девальвации: «Как никогда прежде, люди кажутся рабами слова, лозунга, чтобы пора-

⁶ Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М., 1993. С.319.

⁷ См.: Тинякова Е. А. Язык как форма существования культуры и концепция нелингвистического позитивизма. М., 2003.

жать им друг друга наповал: вербицид в буквальном смысле слова»⁸. Развивая мысль культуролога, отметим такую феноменологию наших дней: смутно ощущая смысл какого-либо социального взаимодействия, в первую очередь на основе невербальных проявлений партнера, люди, тем не менее, не доверяют им и требуют обязательного вербального подтверждения. Но «поскольку значения слов в языке развиты чрезвычайно богато, то может оказаться ненадежным и даже опасным полагаться на язык, например, в тех случаях, когда ожидается простейший ответ типа „да“ или „нет“»⁹.

Таким образом, невербальная коммуникация и в зрелом возрасте человека играет важнейшую роль. Она представляет собой непосредственный канал передачи конкретных, вполне определенных смыслов. Понимание этого факта в процессе развития наук о человеке (прежде всего психологии и филологии) и вызвало огромный интерес к *body language* («языку тела») во второй половине XX в., хотя многие наблюдения и описания выразительных, не связанных со словом проявлений были известны еще с древних времен и привлекали внимание ученых и исследователей с конца XIX в. Однако ранее экспрессия человека чаще всего понималась и толковалась исследователями исключительно как внешние проявления его внутреннего мира, считалась показателем тех или иных чувств и переживаний. Бы-

⁸ Хейзинга Й. *Homo ludens*. М., 1992. С.352.

⁹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С.213.

ло распространено мнение, что людям, склонным прибегать к жестам, более свойственно выражать эмоции, чем что-либо сообщать. Таким образом, собственно коммуникативная функция невербального поведения пренебрегалась и, соответственно, оно в этом аспекте не исследовалось.

Кстати, и сегодня есть специалисты, ставящие под сомнение коммуникативное значение жеста. Так, знаменитый британский публицист С. Н. Паркинсон (автор всемирно известных одноименных «Законов», разоблачающих и обличающих многие житейские стереотипы и заблуждения обыденного мышления) в ответе на вопрос «Зачем мы жестикулируем?» предлагает понаблюдать за людьми, говорящими по телефону. «Вглядываясь в стекло кабины-автомата, мы часто, в сущности, присутствуем на спектакле-пантомиме. На лице говорящего выражается то озабоченность, то восторг. Он взмахивает рукой то в возбуждении, то безнадежно. Палец указывает то туда, то сюда и т. д. Все эти жесты, адресованные слепой трубке, – прямое доказательство, что они в данном случае являются самоцелью. Все внимание сосредоточено на самом себе, а усиленная жестикуляция свидетельствует лишь о полном отсутствии воображения»¹⁰.

По мнению Паркинсона, жесты являются всего лишь пережитком прошлого и «говорят» об отсутствии у некоторых людей способностей к воображению и умений речевого об-

¹⁰ Паркинсон С. Н. От жеста к слову // Законы Паркинсона. М., 1989. С. 340–343.

щения. Он считает, что молодых людей нужно отучать от жестикуляции как проявления умственной лени: «Мы гримасничаем и жестикулируем не потому, что язык не предоставляет нам достаточно возможностей, но потому, что нам не удалось освоить все, что он дает». Отдавая дань метким наблюдениям и сатирическим высказываниям этого автора, все-таки отметим, что есть и другие точки зрения на проблему «целесообразности» жестов. Например, специалисты из Чикагского университета доказали, что жестикуляция благотворно сказывается на деятельности мозга. Человек «размышляющий руками», больше запоминает и может одновременно думать о нескольких вещах¹¹.

Кроме того, эмоции, проявляющиеся в жестикуляции человека, являются не только психическим отражением его жизненных переживаний. Они также выступают в роли регуляторов человеческого общения, влияя на выбор партнеров общения и определяя его способы и средства. Одним из средств общения являются выразительные движения, имеющие сигнальный (знаковый) и социальный характер¹². А невозможность некоторых людей обходиться без них даже в отсутствие другого человека (современная наука рассматривает это как аутокоммуникацию) только подчеркивает их обязательное наличие и в ситуации общения. При этом они

¹¹ Еженедельный журнал. 2002. № 7. 26 фев. С. 41.

¹² См.: Психология. Словарь/Под общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 462.

несут не только информацию о реакциях партнеров по взаимодействию, но могут быть управляемы, сознательно демонстрируемыми и в этом случае наполняются особым смыслом для воспринимающих.

Как самостоятельное направление научных исследований невербальная коммуникация (nonverbal communication) оформилось в 1950-х годах. Само понятие тяготеет к семиотике, теории знаковых систем, а в лингвистическом аспекте имеет эквивалент, обозначаемый термином *паралингвистическая* (буквально: то, что «около» речи и связанное с ней) коммуникация. В последующих многочисленных исследованиях за рубежом (R. Birdwhistell, P. Ekman & W. Friesen, J. Fast, E. Hall, H. Calero. и др.) и в России (А. А. Бодалев, В. А. Лабунская, В. Н. Панферов, И. Н. Горелов, В. П. Морозов и др.) были достигнуты значительные успехи в классификации, интерпретации, декодировании и описании (вербализации) неречевых коммуникативных действий, хотя при этом стало ясно: процесс невербальной коммуникации не является прямым аналогом речи.

Были выделены и описаны единицы своеобразного «алфавита» телодвижений *кины*, или *кинемы* (по аналогии с фонемой в лингвистике), а также некоторые *кинеморфы* (нечто подобное фразам). Было построено немало своего рода «словарей» кино¹³. Однако удовлетворительный словарь тело-

¹³ См.: Birdwhistell R. Kinesics and Context. Philadelphie, 1970; Ekman P., Friesen W. Facial Action Coding System // Palo-Alto Psychologists. N. Y., 1978. P. 15–120.

движений создать в итоге не удалось. В то время как смысл невербальных проявлений схватывается и понимается человеком мгновенно, описания многих сложных коммуникативных движений оказались слишком громоздкими, многословными и малоэффективными в практическом применении. Кроме того, выяснилось, что одни и те же телодвижения могут носить многозначную или даже ситуативную трактовку, другие сильно искажаются в зависимости от конкретной индивидуальности, третьи же вообще имеют незнаковую природу. И, несмотря на полученное богатство эмпирического материала, появление целого ряда оригинальных методических приемов и обилие фактов, подтверждающих коммуникативный характер невербальных проявлений, «выявилась очевидная невозможность воплотить одномоментные динамические смысловые системы личности в дискретных „безддушных“ значениях разного рода словарей»¹⁴. Более успешными оказались попытки создать определенные каталоги жестов, в том числе различных национальных культур. И хотя полностью «расшифровать» отдельные «коды» невербальной коммуникации не удалось, в 1970-е годы был достигнут значительный прорыв как в понимании и объяснении этого феномена человеческого общения, так и в интерпретации «языка тела». Соответственно, появилось и боль-

¹⁴ Фейгенберг Е. И., Асмолов А. Г. Культурно-историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности // Вопросы психологии, 1994. № 6. С. 74–79.

шое количество разного рода практических пособий по обучению этому «языку», некоторые из них оказались достаточно удачными.

Последующее изучение процессов невербальной коммуникации определялось логикой развития науки, в частности когнитивной психологии, согласно которой «конструирование социального мира» – процесс социального познания – осуществляется на основе категоризации как вербальной, так и невербальной информации. Однако, наряду с когнитивными *категориями*, все больше внимания начинает уделяться другой форме организации знания. Речь идет об относительно устойчивых, обобщенных *структурах* прошлого опыта, позволяющих предвосхищать изменения вида объектов, порядок развития событий, их содержание и связь. Такими структурами является *когнитивные схемы* (иногда в научной литературе их называют *фреймами*), которые с определенной долей условности можно разделить на схемы сцен и схемы событий. Под такой схемой обычно подразумевают минимальное описание какого-либо явления или объекта, обладающего свойством: удаление из описания любой составляющей приводит к тому, что объект перестает правильно опознаваться (классифицироваться)¹⁵. Таким образом, если ранее для исследователей «языка тела» решающее значение имели исключительно только экспрессивные про-

¹⁵ Подробнее см.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1988; Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.

явления партнеров по общению, то теперь понимание и исследование этого феномена значительно расширилось включением всего антуража: схемы сцены и особенного схемы самого события, что именно и обеспечивает успешность дешифровки невербальных сигналов.

В научной литературе описано уже немало таких схем (хотя понятно, что полный и окончательный их перечень невозможен), которые помогают человеку правильно интерпретировать поведение и понимать людей в различных социальных ситуациях. Приведем упрощенный пример: схема «поход в ресторан». Когда человек приходит в ресторан в очередной раз, прошлый опыт помогает ему легко ориентироваться в обстановке и почти безошибочно понимать невербальное поведение гардеробщика, охранника, других посетителей, бармена, официанта и т. д. Если же человек впервые находится в ресторане, то многое в экспрессивном поведении, например, официанта ему не понятно. Он будет пытаться применить к ситуации другие, уже известные ему схемы сцен и событий, например «посещение магазина», «посещение музея, выставки», «посещение офиса» или какого-либо официального учреждения и т. д. (и соотносить поведение официанта с известным ему поведением носителей других ролей). Но такие схемы будут не вполне адекватны ситуации, если исходить только из них, то можно легко ошибиться в роли официанта, либо принижая ее значение, либо преувеличивая. Естественно, что в итоге человек принорвится к

ситуации и тем самым пополнит свой репертуар когнитивных схем.

В художественной и публицистической литературе есть немало описаний ситуаций поведения и адаптации «новичка» в тюремном заключении, которые хорошо иллюстрируют роль когнитивных схем в коммуникативной успешности. Человек, впервые попавший в эту среду, обычно плохо ориентируется в тюремной иерархии, не разбирается в статусных атрибутах и татуировках, порой слишком буквально воспринимает высказывания, мимику и жесты, испытывающих его опытных «зеков». Отсюда частые ошибки в интерпретации поведения и намерений сокамерников, хотя невербальной информации вполне достаточно – у новичка нет соответствующих ситуации когнитивных схем. Таким образом, введение в изучение процесса невербальной коммуникации понятия репертуара когнитивных схем сцен и событий имело важное значение. Именно они активизируются в первую очередь, когда человек, пытаясь выявить смысл фрагмента невербального поведения – «паралингвистического текста», оказывается в состоянии истолковать его, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от этого «текста».

Базируясь на концептуальных идеях и разработках когнитивной психологии, и, в частности, на представляющуюся наиболее перспективной «стратегическую модель» обработки текста и социально значимой информации Т. Ван Дей-

ка¹⁶, сам процесс невербальной коммуникации можно описать приблизительно следующим образом. Человек, находясь в ситуации социального взаимодействия и коммуникации, наблюдает внешность, выразительные движения и т. п. невербальные проявления другого. И опираясь на собственные знания и опыт в несловесном общении, декодирует эти паралингвистические стилистические маркеры (которые говорят о свойствах человека, признаках, исполняемой им роли, его отношении к партнеру по взаимодействию, самой ситуации общения и т. д.). А также строит свои предварительные гипотезы понимания, определяя ту или иную ведущую интерпретационную стратегию. Каждая такая стратегия, базируется на определенной когнитивной схеме сцены или события, но в отличие от нее не является жестко обусловленной, подчиненной неизбежному алгоритму воспроизведения, а обладает особой пластичностью, возможностью изменения, дополнения и взаимоперехода от одной стратегии к другой, более подходящей реальной коммуникативной ситуации. Это позволяет не только снять многозначность некоторых невербальных проявлений и неопределенность ситуации, но и определить, а в дальнейшем и постоянно корректировать свою собственную позицию, отношение к партнеру и разворачивающемуся действию. На успешность этого процесса влияние оказывают также и такие психологические факторы, как личностная и социальная идентичность взаи-

¹⁶ См.: Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., Прогресс, 1989.

модействующих людей (самоощущение, самоопределение и когнитивная самокатегоризация), их наблюдательность, воображение, установки и т. д.

Кроме того, обмен невербальной информацией разворачивается, как правило, в процессе или на фоне коммуникации вербальной. Это, безусловно, нельзя не учитывать. Поэтому среди современных исследователей все более преобладающим становится *функциональный* подход к самому процессу коммуникации. Под функцией здесь понимается целенаправленная, и потому естественно определенная последовательность коммуникативного поведения. Таких функций в общении может реализовываться немало, например: стремление контролировать других, достижение согласия, установление близости и др.; и каждая обслуживается различными формами (кластерами) поведения, используемых одновременно (конкретное высказывание и его интонация, контакт глаз и улыбка, выразительные движения и сокращение дистанции и т. п.).

В этом случае разграничение разных видов коммуникации размывается, поскольку, и это подтверждается последними научными данными, все «высказывания» (вербальные и невербальные) эволюционно возникают из одного и того же узла переработки информации в мозге¹⁷. И речь в данном случае идет уже о некой **метакоммуникации** (понятие

¹⁷ См., например: *Kendon A. Gesture and speech: how they interact // In J. Weimann, R. Harrison (eds). Nonverbal Interaction. Beverly Hills, 1983. Pp. 13–45.*

введено П. Вацлавиком)¹⁸, т. е. так сказать «коммуникации над коммуникацией», когда сообщения имеют смысл, как на рациональном, формальном, так и на содержательном уровне, и выступают реализацией определенной коммуникативной функции. При этом формальное руководит тем, как следует понимать содержание. Например, саркастический тон указывает, что позитивное содержание высказывания не следует понимать буквально¹⁹.

В этой связи отметим, что исследователи сегодня пришли к выводу, что любые невербальные знаки и сигналы нужно рассматривать в непосредственном единстве с сопровождающими их вербальными сообщениями. Особенно это важно при восприятии и интерпретации смешанных (слова + картинка) письменных текстов, публикуемых, например, в печатных СМИ, книгах, учебниках. Хотя, подчеркнем, в качестве предмета специального изучения и анализа их можно рассматривать и отдельно.

В заключение нельзя не упомянуть такую важную сферу человеческой деятельности, как искусство. С одной стороны, его произведения сами выполняют самостоятельную коммуникативную функцию и значительно влияют на несловесное общение людей, а с другой – основой многих видов искус-

¹⁸ Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М., 2000.

¹⁹ Уаймен Дж., Джэйлс Г. Коммуникация в межличностных и социальных отношениях // Перспективы социальной психологии. М., 2001. С. 346–347.

ства (сценическое действие, балет, музыка, кино, а особенно изобразительное творчество) является именно невербальная коммуникация. И если слово адресуется к сознанию человека, рационально-логической сфере, то искусство в первую очередь апеллирует к эмоционально-образной сфере человека и его подсознанию. На этой важной психофизиологической закономерности во многом основана огромная убеждающая сила искусства. И именно это позволяет исследовать и анализировать произведения искусства по аналогии с неречевым общением (это будет сделано в последующих разделах).

Однако какие бы сложные объяснительные реконструкции процесса невербальной коммуникации ни выдвигали исследователи, нельзя забывать, что в их основе остаются простые выразительно-экспрессивные движения и акустические сигналы – жесты, знаки и символы. Поэтому остановимся подробнее именно на этих важных первичных элементах – средствах невербального общения и социального взаимодействия.

1.1 Знак

Понятие «знак», пожалуй, является ключевым в анализе процесса невербальной коммуникации. Раньше многие признаки внешности человека и его экспрессивного репертуара трактовались исследователями в основном как диагностические (например, физиогномика И. Лафатера, антропологическая морфология Ч. Ломброзо, телесная конституция Э. Кречмера, В. Шелдона и др.). То есть эти признаки позволяли судить, в первую очередь, о внутреннем мире их носителя, типе личности и психики, способностях, явных и скрываемых привычках и т. д., а в некоторых случаях о более или менее определенном «будущем жизненном пути». Но в связи с развитием и становлением в XIX–XX вв. особой научной дисциплины – семиотики (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр и др.) многим невербальным проявлениям человека стали придавать функцию знака. Соответственно, стало понятно, что люди могут не только правильно воспринимать, расшифровывать такие знаки, но и обмениваться ими, порой даже без участия речи. Именно признание знакового характера экспрессивности человека дало возможность говорить о самом процессе невербальной коммуникации.

Слово «знак», (англ. – sign, от лат. Signum – «отметка») первоначально обозначало какое-то сделанное человеком изображение, смысл которого известен. Впервые в этом

значении появилось в XIV в., позже стало также встречаться в качестве глагола «подписывать», причем подписью был крест²⁰. В современном понимании **знак** – это материальный, чувственно воспринимаемый предмет (событие, действие или явление), выступающий в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования. Он предназначен для приобретения, хранения, преобразования и трансляции определенной информации (сообщения). Знак – важный посредник в социальных взаимодействиях и коммуникации²¹. Совокупность знаков (элементов), находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, составляет *знаковую систему*. Знаковая система, выполняющая познавательную и коммуникативную функцию, называется *языком*. Однако такую функцию (как уже отмечалось) могут выполнять не только естественные (вербальные) языки, но и искусственные знаковые системы, например, язык жестов, язык математических символов, азбука Морзе и т. д.²².

²⁰ См.: *Фолли Д.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1998. С. 10.

²¹ См.: *Философский словарь/Под ред. И. Т. Фролова.* М., 1981. С. 117.

²² Психолингвисты, изучающие становление речи и мышления у детей, особенно у глухих от рождения, вообще считают, что мышлению вполне возможно и без словесного языка посредством символов (знаков) разной природы. Подобные символы, как и способы выражения отношений между ними, могут носить, например, жестовый характер. Однако мышление невозможно вне опоры на какую-либо символическую (знаковую) систему, где знаки и символы замещают

Семиотика (наука о знаках) занимается изучением общих принципов, лежащих в основе структуры всех знаков, с учетом их употребления в сообщениях, а также специфики различных знаковых систем и сообщений, использующих разные типы знаков. Из определения знака вытекает его важнейшее свойство: будучи некоторым материальным объектом, знак служит для обозначения чего-либо другого. В силу этого понимание знака невозможно без выяснения его значения – предметного (обозначаемый им объект); смыслового (образ обозначенного объекта); экспрессивного (выражаемые с помощью его чувства и т. д.), т. е. знак обозначает данный предмет и выражает сопряженные смысловое и экспрессивное значения. Знак может иметь определенный смысл вне наличия соответствующего предмета. В семиотике различают: внутреннюю структуру знаковых систем и отношение знаков друг к другу (синтаксис), знаковые системы как средство выражения смысла, отношение знаков к тому, что ими обозначается (семантика), и отношения использующего знаки к употребляемым им знаковым системам (прагматика).

Разнообразие отношений между означающим (непосредственно воспринимаемым) и означаемым (подразумеваемым) задает возможные классификации. Знаки подразделяют на индексные (указательные), иконические (по принципу подобия) и символические (условные, по принципу припи-

санного свойства). Здесь более подробно опишем «изобразительный» (иконический) знак. Выделяют несколько разновидностей таких знаков: 1) образы (или изображения; в данном случае означаящее представляет «простые качества» означаемого): фотографии, скульптура, живопись, но также и ощущения, вызываемые некоторыми музыкальными произведениями; 2) метафоры (в этом случае кодификация производится по принципу параллелизма между знаком и объектом), этот подкласс активно задействован в театральной практике и литературе; 3) диаграммы, схемы, чертежи и другие виды «нефигуративных» изображений, которые еще называют «логическими» (этой группой знаков чаще пользуется математика).

Для понимания природы знака первостепенное значение имеет выделение особых социальных ситуаций (так называемых знаковых), в которых происходит его использование. Подобные ситуации неразрывно связаны со становлением речи (языка) и мышления. Собственно, сама речь становится возможной из-за употребления особых лингвистических знаков (фонем, иероглифов, графем, букв и др.). Известно, что первыми «изображенными словами» (т. е. выполняли такую функцию) были простые рисунки. Причем эти рисунки (или как теперь их называют *пиктограммы*) представляли только то, что было нарисовано. Например, рисунок солнца обозначал только солнце и ничего больше. Но постепенно пиктограммы превращались в *идеограммы* – рисунки, ко-

которые обозначали не только то, что было изображено, но и некоторые простые идеи, с этим рисунком связанные. Все древние системы письма (клинопись и иероглифы) возникли из пиктограмм, но значительно отошли от первоначальных изображений. И хотя вербальные знаковые системы – языки – становятся универсальным средством взаимодействия людей, но и невербальные знаки (и не только рисунки) сохранили свою важную коммуникативную функцию и до наших дней.

Современные исследователи изобразительных знаков полагают, что они воспроизводят не только свойства отображаемого предмета, а определенные условия его восприятия. Когда мы видим изображение, то пользуемся для его распознавания хранящимися в памяти данными о познанных, виденных вещах и явлениях. Оказывается, что мы распознаем изображение, пользуясь кодом узнавания. Такой код вычленяет некоторые черты предмета, наиболее существенные как для сохранения их в памяти, так и для налаживания будущих коммуникативных связей. Например, мы издалека распознаем зебру (и затем сможем ее воспроизвести на рисунке), не обращая особого внимания на строение ее головы, пропорции ног и туловища и т. д., – важна лишь ее наиболее характерная черта: полосатость. В быту использование знаков играет огромную роль: от самых простых знаков, например, обозначающих мужские и женские комнаты личной гигиены, до сложных систем типа «дорожных знаков», регла-

ментирующих движение, или знаков-указателей, позволяющих ориентироваться в местах большого скопления людей, например на вокзалах. Функции этих знаков просты и вполне понятны. Их значения универсальны и для неграмотных, и для представителей другой языковой культуры.

Для невербальной коммуникации введение понятия «знаковой системы» очень важно, поскольку позволяет говорить, хотя в некоторых случаях и с определенной долей условности, о «языке тела», как о системе выразительных проявлений человека, выполняющих коммуникативную функцию и имеющих характер знака. Это также дает возможность оформить «язык тела» графически (например, в форме упрощенных, схематических рисунков) и, таким образом, передавать полученное «сообщение» (кстати, не только невербальное) другим людям, не участвующим в коммуникации непосредственно (ведь знак именно то, что «замещает» объект), т. е. позволяет кодировать и декодировать невербальные коммуникативные проявления.

В этом аспекте знак играет важную роль и для исследователей невербальной коммуникации. Не случайно, специалисты все чаще стали прибегать к рисункам, графическим изображениям, пиктограммам и даже просто фотографиям, изучая и описывая «язык тела», а также составляя разного рода невербальные словари и каталоги жестов. Различные изображения, образно, схематично или фрагментарно фиксирующие то или иное коммуникативное действие, оказа-

лось очень уместно и удобно предъявлять разным испытуемым, выясняя, какое значение придают им люди. Поскольку индивидуальные особенности партнеров и специфичность разных ситуаций «живого», непосредственного общения в таком случае нивелировались, а знак приобретал некоторую универсальность.

Однако у знака есть отличительная особенность – его парадоксальность. В некоторых случаях мы забываем о том, что изображаемое и изображение суть не одно и то же, т. е. различие между реальностью и копией стирается, хотя бы на время. В конечном счете, вся история магических (например, протыкание иголкой портрета некоего человека предполагает нанесение живому конкретному человеку физического вреда) и религиозных (простой пример – человек молится на икону) практик основана на «забывании» этого различия. Этим же определяется и эффективность современных аудиовизуальных средств массовой коммуникации (телевизионная репрезентация того или иного человека воспринимается не как знак, но как сам человек)²³.

Использование знаков в невербальной коммуникации имеет свою специфику, в первую очередь, на стадии предъявления в ситуации непосредственного взаимодействия людей. Например, о чем говорит и можно ли однозначно трактовать то, что человек, хмурит брови, почесывает затылок

²³ См.: Знак/Постмодернизм. Энциклопедия //Сост. А. А. Гриццианов, М. А. Можейко. Минск, 2001. Интернет-версия: <http://infolio.asf.ru/philos/postmod>

или нос, топчется на месте, скрещивает руки или ноги, отодвигается от партнера по общению, повышает голос или переходит на шепот и т. п. Если это знаки чего-либо в традиционном понимании, то, что они в таком случае «замещают», тем более что объект, их демонстрирующий, здесь, в ситуации прямого контакта и продолжает делать какие-то другие «знаки». И вообще может быть в таком случае уместнее говорить о некоторых невербальных *сигналах*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.